

Использованная литература

1. Антипова Е.А. Миграция населения / Е.А. Антипова // Республика Беларусь: энциклопедия: в 6 т. – Минск, 2007. – Т. 4. – С. 738.
2. Панюціч В. Рэформы дзяржаўных сялян Беларусі (канец 50-х-70-я гг. XIX ст.) / В. Панюціч // Беларускі гістарычны часопіс. – 1996. – № 3. – С. 23–32.
3. Котов А.И. История земельных отношений в Беларуси (с древнейших времен до наших дней) / А.И. Котов. – Минск: «Ураджай», 2001. – 157 с.
4. Верещагин П.Д. Крестьянские переселения из Беларуси / П.Д. Верещагин. – Минск: БГУ, 1978. – 143 с.
5. Крых Г., Токць С. Гісторыя пасялення Мінск – Дваранскае: засцяпковая шляхта з Беларусі ў сібірскім Прыпытышы / Г.Крых, С. Токць // Беларускі гістарычны часопіс. – 2012. – № 3. – С. 4–10.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ БЕЛАРУСИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX СТСТ.

Злотников А.Г.

г. Гомель, Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации

Важнейшим социальным критерием прогресса, особенно в прежние времена, являлось демографическое развитие. Наивысшие в дореволюционной истории Беларуси темпы роста населения приходятся на XIX ст. и особенно на послереформенный период. М.В. Довнар-Запольский со ссылкой на известного русского статистика академика К. Германа, возглавлявшего статистическое отделение Министерства полиции, приводит следующую динамику роста численности населения бывшего Северо-Западного края: конец XVI в. – не менее 1 млн. чел.; конец XVII в. – не более 1,6 млн. чел., конец XVIII в. – около 3,8–3,9 млн. чел. [1, с. 188]. А за почти 60-тилетний период XIX в. численность населения губерний Северо-Западного края, по этим данным, возросла до 5,6 млн. чел. И далее Довнар-Запольский отмечает, что «в противовес крепостной эпохи в последующем пятидесятилетии население возрастает с 5,6 млн. душ обоего пола в 1863 г. до 14 млн. в 1914 г., т.е. увеличивается в 2,5 раза» [1, с. 434].

Вместе с тем отметим, что в оценке численности населения белорусских земель на рубеже XIX–XX вв. существуют расхождения. Так, приведенная Довнар-Запольским численность населения в 5,6 млн. чел. на порядок расходится с данными Эркерта (4294 тыс. чел.) и А. Риттиха (4485 тыс. чел.), относящимися к этому периоду, которые приводит А.Н. Пыпин [7, с. 158]. Хотя оценка Эркертом и Риттихом общей численности населения схожа, особенно если учесть, что их работы вышли с разницей в один год. Этническая характеристика населения белорусских губерний у них следующая: русских (читай – белорусского населения) у Эркерта – 2531 тыс. чел., у Риттиха – 2854 тыс. чел. Более значительны (в удельном весе) расхождения их данных в отношении других этносов: поляков у Эркерта – 791 тыс. чел., а у Риттиха – 383 тыс. чел.; литовцев и латышей у Эркерта – 529 тыс. чел., а у Риттиха – 713 тыс. чел.

Если для современников, пользовавшихся официальными статистическими данными, были такие разночтения, то ныне эта проблема стала еще более сложной. Во-первых, на порядок расходятся сведения разных исследователей того периода и современные статистические данные в отношении численности населения Беларуси согласно первой всероссийской переписи населения. Так, Е.Ф. Карский приводит следующую численность населения белорусских земель в определенных им границах: 10 127 925 чел. в 1897 г. и 11 065 606 чел. на 1 января 1903 г. [3, с. 164]. Интересны его данные тех аспектов демографического развития в том виде, в каком сегодня наука рассматривает демографические проблемы. Во-вторых, имеется проблема миграции населения (беженцев) из Московской Руси на белорусские земли – «в Могилевскую (в г. Ветка), Витебскую, Сувалкскую, Виленскую и Ковенскую губернии (прежде всего во времена Ивана Грозного, Бориса Годунова, эпоху самозванцев и даже позже во времена Екатерины II» [3, с. 164]. Этот аспект подтверждает и М.В. Ломоносов, который в письме к графу И.И. Шувалову (от 1 ноября 1761 г.) «О размножении и сохранении российского народа» значительное внимание уделял (в современной терминологии) миграции из Российской империи в белорусские земли. Анализируя последствия массовых побегов крестьян за рубеж, Ломоносов называл их «живыми покойниками»: «С пограничных мест уходят люди в чужие государства, а особенно в Польшу, и тем лишается подданных российская корона. Побегии бывают более

от помещичьих отягощений крестьянам и от солдатских наборов. Для расколу много уходит российских людей на Ветку» [5, с. 613].

В-третьих, проблемой является характеристика этнической структуры губерний Северо-Западного края. И, наконец, в-четвертых, это определение общей численности белорусов не только в губерниях Северо-Западного края, но и в пограничных с ними территориях. По данным Е. Карского, к 1903 г. численность белорусов в 14-ти губерниях составила 8 317 961 чел., в том числе, в Минской губернии – 1 755 069 чел., Могилевской – 1 650 069, Виленской – 1 076 435, Витебской – 976 638, Смоленской – 947 826, Гродненской – 861 640, Черниговской – 700 000, Тверской – 125 000, Ковенской – 60 000, Псковской – 42 400, Калужской – 41 029, Орловской – 38 484, Сувалкской – 22 390 и Курляндской губернии – 20981 чел. [3, с. 164–170].

Для других европейских стран, как и Беларуси, были характерны высокие темпы роста численности населения. Это свидетельство того, что и демографические процессы Беларуси развивались в русле мировых тенденций, за исключением, разумеется, стран американского и австралийского континентов, рост численности которых, кроме высокого естественного прироста, происходил и за счет значительного миграционного притока и был, естественно, выше. Это значит, что тот «демографический взрыв», который концепция демографического перехода относит на 1920–1950-е гг., Беларусь прошла раньше. Это ставит вопросы к теории демографического перехода как якобы единственной научной теории, объясняющей особенности современных демографических процессов, связывающей повторение демографических фаз и этапов, которые, дескать, были положены западными странами – концепция «вестернизации». Это не столько тенденция «вестернизации», сколько отражение противоречия между развитием производительных сил и инертности (отставания) демографических процессов. В этой связи темпы роста численности населения на белорусских землях в послереформенный период были особенно высоки. Этот высокий рост численности населения связан с бурным развитием капиталистических отношений в России и тем, что А. Смит вкладывал в концепцию «человека экономического

Высокий рост численности населения тогдашней Беларуси породил ряд социальных проблем, социологический анализ которых

дал М.В. Довнар-Запольский. Прежде всего, это интеллектуальная миграция этнических белорусов. Причины белорусской «утечки мозгов» на рубеже XIX–XX вв. Довнар-Запольский объяснял преобладанием в этнической структуре городского населения восточных губерний Беларуси евреев, а в западных – поляков и немцев. Именно этим, по его мнению, был вызван отток высокообразованных этнических белорусов из Беларуси, которым преобладающие в экономической сфере этносы в этих регионах ограничивали возможность реализовать свой творческий потенциал. Не удивительно, что на рубеже XIX–XX вв., вплоть до 1917 г., в городах белорусских губерний этнических белорусов проживало меньше, чем в Петрограде, Москве и Одессе [8, с. 201].

Довнар-Запольский особенности экономического развития различных отраслей народного хозяйства в определенной мере связывал с этническим составом населения страны. В частности, он акцентировал внимание на высокой (11%) численности евреев [2, с. 21-26], для которых «кроме торговли, обычным занятием была аренда таможенных и ярмарочных пошлин, занятие откупам и корчемством». По материалам переписи 1897 г. среди занятых в промышленности, торговле, на всех видах транспорта и средств связи, а также в роли домашней прислуги и городских поденщиков евреев было 59,9%, белорусов – 17,1, поляков – 10,2, русских – 10,1, латышей – 1,3, литовцев – 0,8 и украинцев – 0,6%. Перед Первой мировой войной на долю национального белорусского рабочего класса и буржуазии приходилось около 2% от всей численности проживавших на родине белорусов, в том числе, буржуазии насчитывалось около 20 тыс. человек. «.. В конце XIX в. классовая характеристика населения Беларуси была представлена: крупной буржуазией, помещиками и высшими чиновниками – 147 тыс. чел., зажиточными мелкими хозяевами – 670 тыс. чел., беднейшими мелкими хозяевами – 1 млн. 993 тыс. чел., пролетариями и полупролетариями – 3 млн. 674 тыс. чел.» [8, с. 195, 188].

Следующая проблема – это перенаселенность, о которой Довнар-Запольский пишет: «рост плотности населения (с 20 чел. на 1 кв. версту в 1863 г. до 49 чел. в 1914 г.) уже дает перенаселенность при данных условиях хозяйства» [1, с. 435]. Это ставило на повестку дня осуществление перехода от аграрной экономики к индустриальной: «это уже угрожающая перенаселенность, которая

говорит об избытке населения в деревне, о том, что земледелие не потребляет всего труда населения». Ученый констатирует: «Выход из этого затруднительного положения заключается в расширении площади пользования, в интенсификации хозяйства и в переселении – если городская промышленность не может потребить нарастающего в деревне труда. Потребность в переселении сделалась весьма актуальной. Переселение началось в конце 1880-х и 1890-х гг. и белорусское население просачивалась в Сибирь сначала весьма небольшими группами. Но уже в половине 1900-х гг. белорусский переселенец занял едва не самое видное место среди переселяющихся в Сибирь: только 4 губернии (Могилевская, Минская, Витебская и Смоленская) за 20-летие 1896-1915 гг. дали 7-ю часть переселенческого движения за этот период всей России, и белорусское переселенческое движение превзошло переселенческое движение из центрально-промышленных губерний. Это, конечно, большой урон для хозяйства Белоруссии, тем более, что, как правило, переселенческий поток пополнялся здоровым середняком. Рост переселенческого движения Белоруссии понятен, если мы скажем, что города наши росли чрезвычайно слабо. Процент городского населения с 12,1% в 1863 г. снизился до 11,5% в 1897 г. и поднялся только до 14,3% в 1914 г., когда начало чувствоваться уже дуновение индустриализации» [1, с. 435].

К анализу Довнар-Запольским внутрироссийских миграционных процессов на Беларуси добавим характеристику международной миграции Беларуси в начале XX в. Важным источником изучения международных миграционных процессов на Беларуси дореволюционного периода является работа известного политического деятеля, руководителя в конце 1920-х гг. ЦСУ СССР, Н. Осинского «Международные и межнациональные миграции в довоенной России и СССР». Если Довнар-Запольский отмечал широкие масштабы белорусской миграции в деле заселения Востока и Сибири, то Осинский сообщал о высокой миграционной подвижности населения губерний Северо-Западного края в период 1905-1913 гг. на американский континент: «к 1906–1907 гг. эмиграционная “зараза” от соседей – поляков, литовцев, евреев – дошла, наконец, и до отсталого западнорусского крестьянина»...Из Виленской губернии оно проникло в Минскую, где пропаганда эмиграционных агентов действовала главным образом на молодежь и на безземельных батра-

ков, которые здесь живут в довольно плохих условиях. Зимой 1914 г. в Минске были предприняты аресты эмиграционных агентов, нелегально переводивших через границу. Но в 1914 г. уход на заработки в Америку отмечается уже и в Могилевской губернии». В отношении социальной характеристики мигрантов Н. Осинский сообщал, что «хотя о социальном составе русской эмиграции 1907-1913 гг. мы не располагаем точными данными, но можно предположить, что безземельные с.-х. рабочие, преимущественно из западных губерний, были самой многочисленной группой среди русских эмигрантов. За ними следовала обширная группа полупролетарских крестьян с ничтожным наделом или мелких арендаторов. Значительно меньше было крестьян, способных самостоятельно вести хозяйство. Среди эмигрантов было и небольшое количество промышленных рабочих, особенно в годы промышленной депрессии – 1908–1909 гг.» [6, с. 62, 73].

В результате в связи с перенаселенностью сел, а также городов и местечек Беларуси шел активный миграционный процесс: «за 1903-1913 гг. отсюда эмигрировало преимущественно в США, Аргентину, Бразилию и Канаду свыше 1,5 млн. чел. Но позже 600 тыс. из них, заработав средства на обустройство хозяйства, возвратились на родину. Необходимо отметить, что в 1912 г. только в Германии работали 100 тыс. выходцев из белорусских губерний, а в 1917 г. белорусов проживало, например, в Петрограде, Москве и Одессе больше, чем в городах Беларуси» [8, с. 201].

Подытоживая результативность миграционных процессов начала XX в., воспользуемся выводом лауреата Нобелевской премии 1971 г. уроженца Беларуси С. Кузнеця, который считал, что «если эмиграция была важна для посылающих стран как средство, ослабляющее давление населения в течение периодов перехода от допромышленных к современным нормам роста, то иммиграция была еще важнее для принимающих стран и наложила заметный отпечаток на их экономический рост» [4, с. 121–122]. Таким образом, на основе представленных материалов можно сделать вывод, что демографический потенциал Беларуси явился источником экономического развития многих других стран.

1. Довнар-Запольский, М.В. История Белоруссии / М.В. Довнар-Запольский. – 2-е изд. – Минск: Беларусь, 2005. – 680 с.
2. Довнар-Запольский, М.В. Народное хозяйство Белоруссии, 1861-1914 гг. / М.В. Довнар-Запольский. – Минск: Госплан БССР, 1926. – 238 с.
3. Карский Е.Ф. Белорусы: 3 т. Т. 1 / Е.Ф. Карский. – Минск: Беларуская энцыклапедыя, 2006. – 680 с.
4. Кузнец, С. Демографические аспекты современного экономического роста / С. Кузнец. – Население и экономика / Под ред. А.Г. Волкова и А.Я. Кваши. – М.: Статистика, 1970. – С. 103–166.
5. Ломоносов, М.В. О размножении и сохранении русского народа / М.В. Ломоносов. Избранные философские произведения. – М.: Госполитиздат, 1950. – С. 598–614.
6. Оболенский, В.В. (Осинский Н.) Международные и межнациональные миграции в довоенной России и СССР / В.В. Оболенский. – М.: Издание ЦСУ СССР, 1928. – 138 с.
7. Пыпин, А.Н. История русской этнографии. Т.4 : Белоруссия и Сибирь / А.Н. Пыпин. – Минск.: Беларуская энцыклапедыя, 2005. – 256 с.
8. Эканамічная гісторыя Беларусі: Вучэб. дапаможнік: / В.І. Галубовіч, Р.І. Ермашкевіч, Г.П. Бушчык і інш.; пад рэд. праф. В.І. Галубовіча. – Мн.: Экаперспектыва, 1999. – 454 с.

ВОССТАНИЕ 1863 Г. В НОВОГРУДСКОМ УЕЗДЕ

Карпович О.В.г. Брест, БрГТУ

Подготовка к восстанию в Минской губернии, куда относился и Новогрудский уезд, начались еще в начале 1862 г. Так, Минский губернатор А.Л. Кожевников в донесении Виленскому генерал-губернатору В.И. Назимову в феврале 1862 г. отмечал революционный настрой среди новогрудского дворянства по отношению к правительству. Уездный предводитель дворянства Владислав Брохоцкий, «очень богатый помещик, дарил своим крестьянам землю, не требуя никакого возмездия, дабы тем их привлечь на свою сторону и направлять их по желанию в случае могущего вспыхнуть восстания...». Регулярные поездки с «подозрительными целями» к Брохоцкому совершали местные помещики Кобылинский, Бохвиц, Ревенский и др. [1, ч. 1, с. 20].